

«ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ»

ТАЛАНТ,
ДАННЫЙ
ПРИРОДОЙ

ГОГИ ГЕГЕЧКОРИ — 60 ЛЕТ

На телевидении записывали передачу, посвященную памяти Эроси Манджгаладзе. Освещенные приборами, перед телекамерами, среди других сидели — Медия Чахава, Саломэ Канчели, Котэ Махарадзе, Гоги Гегечкори и я. Мы очень изменились и больше не походили на тех молодых людей, которые в начале 50-х годов, опекаемые А. Хорава, собрались в театре имени Руставели. Куда-то исчезла молодость, откуда-то пришла старость.

Рядом со мной — Гоги Гегечкори. Это он, после кончины Эроси, пришел к нам в театр киноактера и сказал: может быть, я смогу помочь вам и сыграть роль, которую не донграл мой товарищ? Уже солидный, пожилой актер не постеснялся, не испугался встать в ряд молодежного театрального хора и отдать его бесконечному движению, с его радостями и невзгодами. И рядом со мной вновь возник прежний Гоги

Гегечкори: неутомимый, всегда готовый к работе, всегда собранный, профессионал высшего класса, человек театра с головы до ног. Несмотря на свои 60 лет, он сумел сохранить то, чем всегда отличался среди своих товарищей — беспредельную преданность театру и работе. Мне было радостно, что рядом со мной — человек из моего прошлого, моей молодости — прекрасный актер Гоги Гегечкори.

Таких удивительно театральных людей встречаешь редко. Добропорядочный, интеллигентный, фанатически влюбленный в театр, он может служить примером подлинного профессионализма. Создание каждого образа связано у Гоги со сложным рабочим процессом, насыщенным радостями творческих находок и страданиями от неудач. В такой период непрерывного поиска его можно встретить улыбающимся, возмущенным, радостным, задумчивым, обиженным,

разгневанным, даже ворчливым, но всегда одинаково увлеченным, до отказа переполненным желанием проникнуть в суть образа, отыскать главное в характере и мыслях своего героя. Вот сейчас издали я вспоминаю то, что, на мой взгляд, он создал лучшее из бесконечной вереницы героев, сыгранных им в театре и кино. Среди них — замечательные находки.

Характер он обычно старался всегда набросать сразу, на одном дыхании, а потом уже долго и мучительно собирал и укладывал сложную мозаику образа по мелочам. Стремился сделать жизненным то, что подбрасывало воображение. Работоспособность и терпение его поистине беспредельны. Во время вынашивания образа он

«изводит» себя и «изводит» других, начиная от режиссера и кончая портным, готовящим ему костюм. Он неспокоен, чаще всего недоволен собой, придирчив к каждой детали, к каждому сценическому эпизоду, жесту, походке, манере речи, мысли, ради которой все это делается. Все время пытается что-то переделать.

Гоги Гегечкори прекрасный партнер. Эроси Манджгаладзе как-то сказал мне: Гоги — партнер, лучше которого я никогда не встречал. Играть с ним — одно удовольствие. И действительно — Гоги — мастер сценического диалога. Я вспоминаю, как они оба, Эроси и Гоги, вели свои диалоги в «Докторе философии», «Чинчрака» или в «Детях моря». Какой великодушный дуэт возникал между ними, как чутко они чувствовали друг друга, как точно уступали друг другу голоса, как необычно слаженно и вдохновенно создавали жизнь на сцене и соперничали друг другу! Сколько бы ни говорили, только истинная жизнь на сцене может создать в театре праздник актерского искусства! Мы немножечко соскучились по этому празднику, перестали стремиться к нему, стали забывать ощущение высочайшего наслаждения от настоящего внутреннего искусства актера, а может быть, и позабыли секреты этого. А только это искусство может обогатить выстроенные нами, режиссерами, даже очень любопытные, высоко художественные, но

все же схемы спектакля. Только настоящее актерское, внутреннее, психологическое может оживить и заставить биться сердце этой схемы и сердце зрителя.

С Гоги Гегечкори связаны лучшие годы моей творческой жизни. Больше двадцати трех лет плечом к плечу мы «боролись», создавали, побеждали и проигрывали. Он всегда был преданнейшим участником всех дел и событий, происходивших в театре, — энтузиастом и фанатиком. Гоги — богат, в его творческой коллекции такие замечательные образы, как лиричный Бараташвили, гемпераментный, ловкий и красивый идальго Дон Сезар, всегда взволнованный Эквтимэ Катамадзе, наивный, но хитрый Благой, нервный Гадалендия, или бедный Платон Саманишвили (во время гастролей театра в ФРГ его Платона Саманишвили называли грузинским рыцарем Печального образа). И очень много другого, из чего в общем и составилась его творческая жизнь. Куда все это ушло? Остались только лишь ролевые тетради да разрозненные выцветшие фотографии. Как доказать, что все это было прекрасно? Наше искусство, к сожалению, недолговечно.

Данный ему природой талант Гоги увеличивал всегда необычайной трудоспособностью. Именно поэтому его можно считать примером настоящего профессионализма на театре. Вспоминаю один случай: в один из спектаклей срочно вводили молодую, еще

неопытную актрису на очень сложную, большую роль — кто-то из ведущих актеров заболел. Бывают такие случаи в жизни театра. Обычно на такие репетиции идут с большей неохотой. Спектакль уже игрался много раз, а здесь опять пустая репетиционная комната, опять стулья вместо декораций и нет зрителя. Актеры обычно быстро пробалтывают текст, снисходительно улыбаясь неопытности молодого актера. Скоро им и это надоедает. Но жертва ввода быстро ориентируется в обстановке, ищет более профессионального партнера, честного актера, который объяснит ей все сложности и подробности большой роли. Таким актером часто во время подобных репетиций оказывался Гоги Гегечкори. Он терпеливо, даже с увлечением работал с новичком, помогая ему не снисходительными поправками, а настоящей увлеченностью и отдачей. Гоги старался объяснить сущность сцены, а не только внешние признаки ее. Он добивался, чтобы молодая актриса запомнила не только внешние признаки роли, но и причины их возникновения. Он старался, чтобы рождалось действие, а не механическое повторение однажды уже кем-то найденного средства или приспособления. Если новый партнер просил повторить сцену, Гоги терпеливо много раз повторял ее, все больше и больше углубляя сущность и обостряя форму сцены. Он терпеливо готовил своего партнера прежде всего для того, чтобы самому завтра хо-

рошо сыграть. Для него было невозможно играть неготовым спектакль, а спектакль для него — самое главное дело его жизни.

На той репетиции, о которой я вспоминаю, новый партнер был талантлив, и с ним было легко работать. Актеры под разными предлогами разбрелись по театру, а молодая актриса Зинаида Кверенчхладзе осталась одна со своей ролевой тетрадкой, безумным страхом перед завтрашним спектаклем и внимательным и трудолюбивым партнером Гоги Гегечкори, который играл за всех товарищей, куда-то исчезнувших с нудной для них репетиции.

Это было давно. Но и сейчас каждый выход Гоги Гегечкори на сцену — это акт его творческого самопожертвования. Его сценическая проповедь зовет к справедливости, человечности и красоте.

Гоги — шестьдесят лет. Шестьдесят не так уж мало. Груз тысячи раз сыгранных ролей, как соли в наших суствах, давит вниз. Пора бы успокоиться, уюмониться. Но тогда это был бы уже не Гоги. Я желаю ему, чтобы никогда не исчезало в нем стремление проникнуть в тайны жизненной правды играемых им ролей. У Гоги много интересного впереди.

Молодые актеры нашего театра благодарны ему за то, что он преподавал им прекрасный урок профессиональной школы актерского мастерства.

Михаил ТУМАНИШВИЛИ,
народный артист СССР.